

ется сплавом. Ни одна надпись такого рода до сих пор не обнаружена где-либо в Южной Аравии. Существительное *mīnd* является производным от *ʿnd* – «ставить», «помещать» (*set up/place*)⁴³. Для обозначения собственно «надписи» можно было бы ожидать *šr* (*RES 2980bis = M 203/5*), *šhft* – от *šh* {«писать» (*СИН 314 + 954/8–9*)} или *wf* (*Ja 2484/4*). Трактовка А.Ф.Л. Бистона, рассматривавшего *mīnd* как «offering»⁴⁴, представляется более соответствующей контексту. Вероятно, за этим термином скрывался один из видов посвящений, отличие которого от иных⁴⁵, не вполне ясно.

С. 209 (*Raybūn-Ḥaḍḡān 250*). На фотографии (pl. 240) четко видно, что сохранившиеся фрагменты знаков должны читаться как (t)g, а не (m)g: «лучи» верхней части знака χ , сохранившейся на надписи, направлены от центра кверху, а не сверху вниз, как у знака ξ . Соответственно само слово может быть реконструировано как [ʿt](t)g.

С. 211 (*Raybūn-Ḥaḍḡān 254*). Надпись представляет собой фрагмент, на котором читается только знак -i. Судя по фотографии, этот знак стоит в конце строки и, вероятно, слова. По аналогии с такой же фрагментарной надписью *Raybūn-Ḥaḍḡān 253*, *Raybūn-Ḥaḍḡān 254* можно дополнить как [bn]i.

С. 230 (*Raybūn-Ḥaḍḡān 298*). Судя по фотографии (pl. 285), второй знак во второй строке должен быть реконструирован как -š (ξ).

Пятый выпуск «Инventаря южноаравийских надписей» нужно признать несомненной удачей. Удачей не только лично С.А. Французова, взявшего на себя такую сложную задачу, как публикацию райбунских надписей, с первой частью которой он блестяще справился, но всей Российской комплексной экспедиции ИВ РАН, преемницы СОИКЭ. Следует отметить, что данным выпуском завершена первая часть работы, основа которой была заложена Г.М. Бауэром и А.Г. Лундиным, и остается лишь скорбеть, что им не довелось увидеть ее выход в свет. Несомненно, все, кто интересуется историей и филологией древней Южной Аравии, будут с нетерпением ожидать от С.А. Французова следующих четырех уже анонсированных⁴⁶ выпусков корпуса райбунских надписей в рамках данного «Инventаря».

М.Д. Бухарин

© 2005 г.

НОВОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ПО АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. Вып. 1–3. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2002–2004

В 2002 г. кафедра истории древней Греции и Рима и Центр антиковедения Санкт-Петербургского государственного университета приступили к изданию нового сборника статей – альманаха «Мнемон», продолжившего традицию публикаций по античной истории и культуре в Санкт-Петербургском университете. Сейчас, по прошествии трех лет, можно с уверенностью сказать, что задуманное тогда предприятие стало весьма важным моментом в развитии петербургского антиковедения, да и не только петербургского, поскольку в число ученых, регулярно сотрудничающих с альманахом, в настоящее время, помимо петербуржцев, входят антиковеды из Москвы, Новгорода Великого, Нижнего Новгорода, Петрозаводска, Ярославля, Казани, Йошкар-Олы, Сыктывкара, Риги и других городов. Роль инициатора и главного организатора издания по праву принадлежит проф. Э.Д. Фролову, руководителю кафедры истории древней Греции и Рима и Центра антиковедения на историческом факультете СПбГУ. Все технические работы,

⁴³ *Beeston, Ghul, Müller, Ryckmans*. Op. cit. P. 138.

⁴⁴ *Beeston A.F.L. Notes on Old South Arabian Lexicography III // Le Muséon*. 1951. 64. P. 131–132.

⁴⁵ Известны и другие: *bht* (см. выше), *šmgy*, или *sqny* (*sqny*).

⁴⁶ *Frantsouzzoff S.A. Raybūn et La Mecque (politique et religion en Arabie préislamique). Notes prééliminaires // Arabia*. 2003. 1. P. 64.

связанные с подготовкой материалов к публикации, выполняются сотрудниками кафедры. Статьи публикуются в авторской редакции.

Что касается тематики и направления нового альманаха, то его организаторы вполне сознательно отдают предпочтение тому научному направлению, которое являлось своего рода визитной карточкой Петербургской исторической школы со времен ее основателя М.С. Куторги (1809–1886). Отличительными особенностями данной школы были и остаются трезвый прагматический подход к предмету исследования, повышенный интерес к античной исторической традиции, бережное отношение к свидетельствам древних источников и категорическое неприятие любых призывов пожертвовать заветными древностями сведениями в угоду умозрительным схемам новейших знатоков¹. Тематика публикуемых в «Мнемоне» научных исследований охватывает все стороны жизни античного, греко-римского общества, однако преимущественное внимание уделяется традиционной, т.е. политической истории, античной культуре и традициям классицизма в Новое время в Западной Европе и России, а также источниковедческим и историографическим сюжетам. Важность последних особо подчеркивается самим названием издания – «Мнемон», что по-гречески означает «памятливый», и латинским эпиграфом «Ex ipso fonte».

Нижеследующий обзор имеет своей целью ознакомление читателей с содержанием первых трех выпусков альманаха «Мнемон». Хочется надеяться, что он окажется небесполезным для всех тех, кто всерьез интересуется историей и культурой античности, для кого греко-римская древность не просто «дела давно минувших дней, преданье старины глубокой», но дело и любовь всей жизни, будь то профессиональные ученые или энтузиасты-любители.

* * *

Первый выпуск альманаха «Мнемон» (СПб., 2002) открывается статьей Э.Д. Фролова «Петербургская кафедра античной истории», в которой прослеживается история антиковедческих штудий в Санкт-Петербургском университете, начиная от их зачинателей, М.С. Куторги и Ф.Ф. Соколова, до наших дней. Автор особо подчеркивает приоритет Петербурга в деле создания первой национальной школы антиковедения, ставшей затем основой более широкого научного направления, известного как Петербургская историческая школа (с. 10). Говоря о современном состоянии антиковедческих занятий на историческом факультете СПбГУ, Э.Д. Фролов касается в частности направленной научной деятельности кафедры, выделяя три основных – политическая история античного мира (с особым упором на проблемы древней государственности), античная культура во всех ее проявлениях и история науки об античности – и обзоре важнейшие научные результаты по каждому из вышеозначенных направлений (с. 13 сл.).

Большинство статей, опубликованных в разделе «Исследования» первого выпуска, так или иначе затрагивает тему властных структур и потестарных идеологий в античности, активно разрабатывавшуюся петербургской кафедрой истории древней Греции и Рима в 2001–2002 гг. Данной теме целиком посвящен подраздел «Политическая жизнь и властные структуры в древней Греции и Риме», куда вошли публикации по следующим темам: греческое право (Л.А. Пальцева и Е.В. Никитюк), проблемы древней государственности (О.Ю. Владимирская, А.Л. Дарвия, В.В. Шувалов, Э.Д. Фролов), вопросы распространения информации в античном мире (В.М. Строгоцкий), дипломатия и межгосударственные отношения в античном мире (М.М. Холод), закат Птолемея (Л.П. Гороховская), история Рима эпохи Гражданских войн и периода Империи (А.В. Еремин, М.В. Белкин, Н.В. Чеканова, А.Б. Егоров, К.В. Вержбицкий, А.Ю. Рябов и Ю.Б. Циркин). Обзор некоторых из них, показавшихся нам наиболее интересными, приводится ниже.

Статья Э.Д. Фролова «Греческая тирания и римский принципат (опыт типологического сопоставления)» вводит читателя в круг наиболее общих вопросов типологии власти. Черты сходства или близости двух вышеназванных режимов проявляются, по мнению автора, во-первых, в общих обстоятельствах, сопутствовавших возникновению соответственно греческой (в том числе сицилийской) тирании и принципата, во-вторых, в политическом курсе, проводимом данными режимами, и, наконец, в-третьих, в присущих обоим режимам элементах государственно-правового дуализма, игравших роль своего рода «республиканского прикрытия» авторитарной власти реального хозяина положения, будь то тиран Дионисий или император Август (с. 92, 94 сл.). К сожалению, менее выпукло в статье Э.Д. Фролова обрисованы различия обеих систем. Автор ограничивается простым указанием на сравнительно быстрое перерастание тирании Ди-

¹ Фролов Э.Д. Петербургская кафедра античной истории // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. Вып. 1. СПб., 2002. С. 7.

онисия в настоящую монархию при Агафокле и Гиероне, и напротив, достаточно долгое сохранение в римском принцепате республиканских элементов и черт, в силу большого консерватизма римлян, сравнительно с греками, не потерявших своего значения и в эпоху поздней античности (с. 97).

В статье М.М. Холода «Демадов мир: к истории афинско-македонских отношений» прослеживается череда событий, увенчавшихся заключением мира между Филиппом II и Афинами вскоре после битвы при Херонее (338 г. до н.э.), вскрываются причины, побудившие победителя-Филиппа отказаться от вторжения в Аттику и пойти на переговоры с афинянами, исследуется содержание мирного договора и его значение для исторических судеб Греции. Много внимания автор уделяет источникам и историографии вопроса, и в частности вопросу о достоверности свидетельств Диодора и Полибия о заключении между Филиппом и Афинами не только мира, но и военного союза (с. 108 сл.). Данный вопрос оживленно дискутировался в трудах В. Швана, Ф. Хампля и К. Реубака; точку зрения последнего, считавшего заключенный при участии Демада договор простым соглашением о мире и отрицавшего факт заключения союза, М.М. Холод подвергает критике, доказывая, в свою очередь, наличие соглашения о союзе (с. 109 сл.). Оценивая значение Демадова мира, автор вполне справедливо, на наш взгляд, отмечает его неравноправный характер и зависимую роль Афин: афинское могущество было существенно ослаблено, а в самих Афинах усилилась промакедонская партия (с. 112 сл.).

Поддерживая в целом авторские выводы, позволим себе высказать и некоторую критику, касающуюся тезиса о наличии в условиях Демадова мира соглашения об афино-македонском союзе. Сам автор достаточно много говорит о сомнительности свидетельств Диодора и Полибия по данному поводу (с. 108), так что его собственный вывод оказывается в некотором противоречии с его же оценкой свидетельств источников.

В статье М.В. Белкина «Цицерон и Марк Антоний: истоки конфликта» прослеживаются взаимоотношения этих двух выдающихся деятелей эпохи поздней Республики, приведшие, как известно, к столкновению, повлекшему за собой гибель Цицерона. Указанный конфликт представляется автору изначальным, восходящим едва ли не к тем годам, когда будущий триумвир вместе с другими молодыми людьми посещал дом великого оратора для изучения искусства красноречия (с. 135). В дальнейшем предметом тщательного анализа становятся семейные связи Марка Антония, во многом определившие его негативное отношение к Цицерону (с. 135 сл.), у которого, разумеется, также существовали свои причины ненависти Антония или по крайней мере испытывать к нему неприязнь (с. 138 сл.). Эти причины состояли, по мнению автора статьи, в том, что Антоний представлял собой до мозга костей порочную личность (данный тезис автор обильно подкрепляет цитатами из «Филиппик»); к тому же он имел претензию считаться красноречивым оратором, что вызывало раздражение Цицерона (с. 138, 140). Не касаясь вопроса о том, можно ли создать адекватный портрет Марка Антония на основании устремленных против него инвектив его смертельного врага, отметим лишь явную несогласованность вышеприведенной характеристики Антония с мнением о нем, как о вполне типичном представителе знатной молодежи той поры, из среды которой будущий триумвир нисколько не выделялся ни поведением своим, ни моральным обликом (с. 140). Далее поэтапно (начиная с 50-х годов и до августа 44 г. до н.э.) рассматриваются отношения Цицерона и Антония, характеризующиеся постепенным нарастанием напряжения, не доходящего, однако, до прямого противостояния (с. 141 сл.). Сам конфликт («смертельная схватка», по выражению М.В. Белкина) остается, таким образом, за кадром. Автор оставляет своих героев в тот драматический момент, когда Цицерон, собравшийся было отправиться на Восток, возвращается в Рим, чтобы сразиться и пасть в своей последней битве за Республику (с. 160 сл.).

Поздняя античность в первом выпуске «Мнемона» представлена статьей Ю.Б. Циркина «Испания и узурпация Магненция». Автор отмечает, что Испания, далекая от политических бурь того времени (середина IV в. н.э.), все же сыграла известную роль в событиях, связанных с узурпацией Магненция (с. 220). Будучи для правителей Запада глубоким тылом и важной базой снабжения, Испания подверглась атаке войск Констанция на последнем этапе войны между ним и Магненцием (с. 218 сл.). Целью данной операции было лишить последнего путей для бегства и финансовых средств для продолжения войны, поступающих к нему с золотых приисков Галлеции, а ее успех стал причиной самоубийства узурпатора и победы августа Констанция, объединившего Империю под своей властью (с. 211 сл., 219 сл.).

Ряд интересных публикаций (статьи А.В. Хазиной, А.С. Мельниковой, А.С. Степановой, А.Д. Пантелева, Л.В. Софроновой, Харийса Туманса) был представлен в подразделе «Античная культура», но, по понятным причинам, у нас нет возможности рассказать обо всех одинаково подробно, и мы позволим себе ограничиться рассмотрением статьи Н.С. Широковой, посвя-

щенной столь популярной ныне теме религии и мифологии кельтов, «Огмий – кельтский бог “связыватель”». «В кельтской мифологии – пишет автор – имеется бог, основная характеристика которого представляет важное свойство индоевропейского божества, которым в большой степени наделены скандинавский Один и индийский Варуна. Этим свойством является искусство “связывания”, представляющее магический образ действий обоих богов» (с. 253). Кельтский Огмий тоже «бог-связыватель», наподобие Одина или Варуны; это его основное качество, от которого зависят конкретные функции Огмия: бог-воитель, проводник душ умерших в потусторонний мир, бог-покровитель искусства красноречия, каким он изображен на увиденной Лукианом галльской фреске, покровитель науки и искусства и изобретатель сакральной письменности (с. 259–262). Таким образом, заключает Н.С. Широкова, Огмий являет собой важное дополнение к образу Луга, верховного бога кельтской мифологии, а образ нити, веревки или узла соответствует глубинному опыту человечества, представляя один из древнейших символов человека и мира (с. 262).

Еще несколько статей – К.В. Вержбицкого (о дискуссии вокруг «Анналов» римского историка Корнелия Тацита), А.В. Банникова (о проблеме датировки *Eritoma rei militaris* Вегетия), М.В. Белкина (о творчестве Ф.Ф. Зелинского) – были представлены в подразделе «Источниковедение и историография». Из статей данного раздела особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает статья О.В. Кулишовой «Дельфийские манумиссии в современных исследованиях по античному рабству», посвященная эпиграфическим документам об отпуске рабов на волю, происходящим из Дельф и относившихся в основном к II в. до н.э. – I в. н.э.

Обозначив общий контекст изучения темы античного рабства в настоящее время, О.В. Кулишова переходит к рассмотрению непосредственно дельфийских манумиссий как источника по истории рабства в античном мире (с. 345 сл.). Автор отмечает многочисленность находок подобного рода документов на территории Дельф (более тысячи к настоящему времени) и прослеживает основные этапы их публикации и изучения, начиная с 60-х годов XIX в. (с. 346 сл.). В дальнейшем О.В. Кулишова сосредоточивает свое внимание на двух крупных проблемах, связанных с изучением дельфийских манумиссий: это, во-первых, характер и условия освобождения рабов в Дельфах и, во-вторых, возможность использования данных, полученных в ходе исследования дельфийского материала, для оценки развития античного рабства в целом (с. 350 сл.). Автор солидаризируется с преобладающей в науке точкой зрения о том, что условия отпуска рабов на волю диктовались в первую очередь экономическими интересами их хозяев (отсюда тяжелые условия освобождения, когда бывший раб в течение известного времени оставался у своего хозяина в качестве отпущенника-парамонария, и т.д.), и с сожалением констатирует отсутствие в настоящее время обобщающего исследования по дельфийским манумиссиям, выражая вместе с тем надежду на активизацию работ в указанном направлении в связи с изданием манумиссий в рамках нового Корпуса дельфийских надписей (с. 352 сл., 355 сл.).

В разделах «Критика и библиография» и «Хроника научной жизни» также представлен ряд интересных сообщений. Это рецензия Н.В. Григорьевой на новый учебник по истории древнего мира для пятых классов средней школы, заметка А.Д. Пантелева о публикациях по истории раннего христианства в интернете, рецензия Э.Д. Фролова на художественный фильм (редкость для антиковедного издания!) режиссера Ридли Скотта «Гладиатор»; публикации, посвященные важным датам в жизни крупных ученых-антиковедов: 50-летию профессора Санкт-Петербургского университета А.Б. Егорова (авторы – М.В. Белкин, К.В. Вержбицкий) и 65-летию профессора Гамбургского университета Юргена Дейнингера (автор – Э.Д. Фролов), а также очерк о деятельности европейских центров антиковедения: университетов в Лозанне и Халле и фонда Хардта в Женеве, выполненный Э.Д. Фроловым.

Центральную часть содержания второго выпуска альманаха «Мнемон» (СПб., 2003) составляют публикации, посвященные проблемам социально-политической истории античного мира. Предметом исследования здесь становятся в частности особенности древней государственности и общественной жизни греческих полисов (В.В. Шувалов, Л.А. Пальцева, С.М. Жестоканов, В.М. Строгачевский), характер афинской демократии (статья О.В. Кудрявцевой, Е.В. Никитюк), политическое движение в эллинистической Спарте (А.Л. Дарвин), полис в системе эллинистической монархии (М.М. Холод), просопография знатных семей поздней Римской республики (А.Б. Егоров), социально-политические и экономические основы принципата (И.П. Портнягина, С.Г. Сердюкова, В.В. Семенов, М.Н. Серафимов), правовой статус иудеев в Римской империи (Ю.К. Рогова), античная религия и мифология (Н.С. Широкова, З.С. Кузнецова), периферия античного мира (А.П. Кулакова).

Роль своеобразного введения, предпосылаемого основному содержанию сборника, играет статья Э.Д. Фролова «Вместо предисловия: культура классицизма и современная антикультура».

ра». Автор начинает с того, что прослеживает этимологию понятия «культура» (от лат. *colere* – «обрабатывать, возделывать») и проводит разграничение между понятиями «культура» и «цивилизация». Кратко коснувшись вопроса типологии культур, Э.Д. Фролов выделяет две из них, западноевропейскую и русскую, в качестве сферы своего преимущественного интереса и указывает на наличие в истории Западной Европы двух культурных циклов соответственно античности и нового времени (с. 8 сл.). После падения Западной Римской империи и вплоть до конца XIX в. классические формы античной культуры продолжали оставаться тем нормативом, на который равнялась культура западных стран; отсюда явление так называемых «возрождений», начиная от Каролингского ренессанса (конец VIII – начало IX в.) до неоклассицизма конца XVIII – начала XIX в. Однако классическими традициями были затронуты лишь образованные верхи европейского общества, главным образом дворянство, во второй половине XIX в. окончательно уступившие лидирующую роль в социальной жизни представителям третьего сословия. Эти последние, в свою очередь, поспешили отбросить традиции классицизма и связанное с ними классическое образование, тем более, что к этому побуждал их стремительный технический прогресс, вытеснявший из сферы образования гуманитарные ценности (с. 9 сл.).

Но еще более драматично сложились судьбы классического наследия в России, где поверхностная европеизация, осуществленная силами Петра Великого и его преемников, привела к глубочайшему расколу и в конечном счете отторжению гуманистической культуры русским обществом в начале XX в. (с. 12 сл.). Однако более всего беспокоит и тревоги вызывает у автора современная эпоха, с такими характерными для нее явлениями, как огрубление языка, торжество массовой псевдокультуры над подлинной духовностью, забвение завещанного нам предками культурного наследия в сочетании со слепым перениманием с Запада всего того, что не заслуживает подражания (фильмы, насыщенные сценами кровавого насилия, поп-музыка с ее механическими ритмами и т.д.) (с. 13 сл.). Некоторым диссонансом в нарисованную Э.Д. Фроловым безотрадную картину культурного упадка врывается его же утверждение о том, что для подлинной содержательной культуры еще не все потеряно; впрочем, мысль о полной и окончательной гибели культуры кажется столь непереносимой, что нам по-человечески хочется не критиковать, но поддержать автора за его нежелание быть последовательным пессимистом.

Переходя к более подробному рассмотрению некоторых, наиболее интересных, на наш взгляд, публикаций, начнем с первой части раздела «Исследования», посвященной греческой тематике. Одной из таких публикаций является статья Л.А. Пальцевой «Греческие мнемоны» об особенной магистратуре, существовавшей в ряде греческих полисов эпохи классики и эллинизма, носители которой назывались иеромнемонами, симмнемонами или просто мнемонами. Автор начинает свое изложение с анализа источников по данному вопросу, специально останавливаясь на свидетельстве Аристотеля, определявшего мнемона как должностное лицо, чьи функции относились непосредственно к сфере правосудия: мнемон – это хранитель архива наиболее важных в правовом отношении актов и, одновременно, – лицо, заверяющее от имени государства наиболее важные сделки и договоры, чем в наше время обыкновенно занимается нотариус (с. 32 сл.). В дальнейшем Л.А. Пальцева рассматривает другие (преимущественно эпиграфические) свидетельства о мнемонах и их функциях с точки зрения их согласованности или противоречия с вышеприведенным свидетельством Стагирита и предпринимает попытку совместить взаимно противоречивые данные относительно данной магистратуры. По мнению автора, рассматриваемая должность насчитывала более чем тысячелетнюю историю, восходя к дописьменной эпохе темных веков, когда функции мнемона в буквальном смысле состояли в запоминании важных для общины установлений, и лишь с появлением и распространением письменности мнемоны превратились в хранителей государственных архивов, какими их знает Аристотель. В дальнейшем, благодаря традиции размещать архивы в крупных святилищах и храмах, мнемоны оказались тесно связаны со жречеством (иеромнемоны) и превратились в эпонимных магистратов; впрочем, эволюция данной должности на этом не остановилась и в итоге породила множество локальных вариантов (с. 45 сл.).

Греческая архаика представлена во втором выпуске альманаха «Мнемон» статьей С.М. Жестоканова «Олигархия Бакхиадов». В ней на примере Коринфа рассматривается особый вид олигархического правления – олигархия царского клана, – существовавший в ряде греческих городов-государств: в Митилене на Лесбосе, в малоазийских городах Милете и Эфесе, в фессалийских полисах Лариссе и Кранноне (с. 62 сл.). В самом Коринфе переход от монархии к аристократии был осуществлен в рамках правления представителей одного знатного рода – Бакхиадов, возводивших свое происхождение к легендарному коринфскому царю Бакхису (с. 53 сл.). Далее в статье исследуются вопросы социально-политического устройства Коринфа в период господства Бакхиадов, в частности состав и функции высших полисных магистратов,

деление граждан по филам, и делается важный вывод о наличии схожих черт в политической системе коринфского полиса и досолоновских Афин (с. 56).

В.М. Строецкий в статье «Роль информации и проблема коммуникативных отношений в классическом полисе» рассматривает вопросы распространения информации в греческой древности. Автор указывает, что в греческих полисах постоянно циркулировали значительные объемы информации как частного, так и публичного характера, причем распространявшиеся в виде слухов сведения о частной жизни граждан существенным образом влияли на их репутацию и общественный статус. Это обстоятельство определило в целом двойственное отношение к подобной информации: с одной стороны, полисные власти (как, впрочем, и некоторые частные лица, и даже весь гражданский коллектив) были заинтересованы в получении достоверных сведений о гражданах и их частной жизни, но с другой – сами граждане порой всеми способами старались не допустить огласки тех сторон их жизни, которые могли бросить тень на их доброе имя или повредить их политической карьере (с. 140 сл., 143 сл.). Много внимания В.М. Строецкий уделяет анализу каналов, по которым циркулировали информационные потоки, а также своего рода коммуникативных центров, в качестве которых в греческих городах выступают лавки, мастерские, цирюльни, бани, рыночная площадь в целом, театр, симпозиы и сисситии и другие неформальные сообщества (с. 145 сл.).

Представляется, что автор мог бы дополнить нарисованную им картину аналогией с римской древностью, где важную роль в распространении информации и формировании общественного мнения играли разного рода формы общения, напоминающие греческий симпозиус². Впрочем, и без этого исследование В.М. Строецкого, приоткрывающее для читателя одну из любопытнейших сторон жизни греческого общества, представляется вполне целостным, а общая картина – весьма убедительной.

Из публикаций, посвященных истории Рима, хотелось бы особо выделить статью А.Б. Егорова о римской интеллигенции эпохи Гражданских войн «Муции Сцеволы, Лицинии Крассы и Юлии Цезари (римская интеллигенция и кризис конца II – начала I в. до н.э.)», представляющую собой прекрасный пример просопографического исследования. Предметом изучения становятся три знатных римских рода – Лицинии Крассы, Муции Сцеволы и Юлии Цезари, игравшие видную роль в политической жизни конца II – начала I в. до н.э. Группа Крассов–Сцевола–Юлиев Цезарей и политики-интеллектуалы их круга представляли собой, по мнению автора, «среднюю силу», игравшую выдающуюся роль в событиях 130-х–90-х годов до н.э. (достаточно сказать, что все реформаторы от Гракхов до Суллы были так или иначе связаны с этой группой), но уничтоженную в период господства маррианцев в Риме (с. 196, 203). Политика этой группы отличалась рационализмом и продуманностью (с. 203). Это была политика умеренно-центристской ориентации, основанная на глубоком понимании нужд государства, стремлении к бескровному выходу из кризиса и неприятию радикальных идей, течений и политиков (с. 198). Несмотря на уничтожение большинства представителей данной группы в 80-е годы до н.э., в конечном счете восторжествовала именно их политическая линия, под знаком которой прошли реформы 70-х годов до н.э., и именно ее продолжили такие выдающиеся деятели конца Республики, как Цицерон и Цезарь (с. 204).

Основные выводы и наблюдения автора не вызывают у нас возражений, что, впрочем, не исключает критических замечаний по отдельным частным поводам. Так, продолжателями одной и той же традиции оказываются два весьма различных (если не прямо противоположных) между собою деятели – диктатор Юлий Цезарь и Цицерон, откликнувшийся на известие о его убийстве восторженным письмом (Fam. VI, 15), а род Юлиев Цезарей имел связи не только с людьми круга Крассов и Сцевола, но, как известно, и с Гаем Марием, чем широко пользовался Юлий Цезарь на начальном этапе своей политической карьеры, выставляя себя приверженцем маррианских традиций.

В статье И.П. Поршнягиной «Интеграция неформальных общественных связей в систему принципата: совет друзей принцепса» поднимается важная и дискуссионная проблема о роли в политической системе ранней Империи разного рода неформальных институтов и отношений. Будучи исконным элементом системы общественных связей в архаических и традиционных обществах, в Римской республике институт дружбы (*amicitia*), наряду с клиентелой, стал основой для формирования так называемых личных партий, особенно характерных для периода Гражданских войн (с. 227). С установлением режима принципата дружеские связи в среде римской аристократии утрачивают характер политических альянсов, превращаясь в фундамент теперь

² См. *Вержбицкий К.В.* Традиционные формы общения у римлян и оппозиция Юлием Клавдием // Вестник Санкт-Петербургского университета, 1999. Серия 2. Вып. 2. С. 104–107.

уже придворных группировок и карьерных продвижений (с. 228). Автор отмечает характерный для политики основателя Империи Октавиана Августа протекционизм, становящийся более откровенным при его наследнике Тиберии (с. 230 сл.), и наличие в неформальном окружении принцепса своего рода иерархии, на вершине которой стояли всеисильные временщики, такие как Агриппа и Сеян, отношения которых с их патронами, соответственно Августом и Тиберием, становятся в дальнейшем предметом особого рассмотрения (с. 233 сл.).

Характеризуя роль друзей принцепса в императорском совете, автор отмечает, что если при Августе *consilium principis* комплектовался из сенаторов, избранных по жребию, и представителей магистратуры, то при его преемниках совет, состоящий теперь из лиц, назначенных туда императором, приобретает характер квазидружеского объединения (с. 239 сл.), так что в целом институт *amicitia* не внес сколько-нибудь существенного вклада в формирование политико-административной системы Империи (с. 240). В некотором противоречии с приведенным выше высказыванием находится утверждение автора о значительной роли *amicis* и *clientes* как опоры единой государственной власти (с. 228, 240), что само по себе, на наш взгляд, уже является определенной ролью в процессе формирования имперской структуры.

Ряд интересных сообщений был опубликован в разделах втором и третьем «Критика и библиография» и «Хроника научной жизни». В частности, в разделе втором с рецензиями выступили: Э.Д. Фролов (на кн.: *Koiv M. Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Korinth*. Tallinn, 2003), К.В. Вержбицкий (на кн.: *Шалимов О.А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I – начале II в. н.э.* М., 2000), П.В. Шувалов (на кн.: *Вольфрам Х. Готы: от истоков до середины VI в. (опыт исторической этнографии)* / Пер. с нем. СПб., 2002) и А.К. Нефёдкин (о публикациях по древней истории в военно-историческом журнале «*Para bellum*»). Наконец, в «Хронике научной жизни» были представлены два очерка – М.В. Белкина о системе преподавания античной истории в СПбГУ и А.Б. Шарниной о жизни и деятельности профессора Лии Менделевны Глускиной (с приложением библиографии ее трудов).

В основу публикаций третьего выпуска альманаха «Мнемон» (СПб., 2004) легли доклады, прочитанные на конференциях «Жебелёвские чтения – V» и «Античное общество: проблемы истории и культуры – VII», прошедших соответственно в ноябре 2003 г. и в марте 2004 г. на историческом факультете СПбГУ. В разделе первом «Исследования» были представлены статьи по следующим: история Греции (М.Ю. Лаптева, Л.Г. Печатнова, А.В. Леонтьев, Э.В. Рунг, Е.В. Някитюк, В.М. Строецкий), походы Александра Македонского (В.П. Никоноров и М.М. Холод), проникновение на Восток элементов греческой культуры и государственности (Ю.Б. Циркин), культ правителя в эллинистическо-римское время (М.Ю. Серова, И.А. Ладынин, А.Б. Егоров), проблемы восточного эллинизма (А.А. Попов, Г.А. Кошеленко), античная нумизматика (А.А. Попов), эллинистическая Спарта (А.Л. Дарвин), история Рима в республиканский и императорский периоды (Л.П. Кучеренко, В.В. Семенов, М.Н. Щетинин, Е.Л. Смирнова, С.Г. Сердюкова), античная религия и раннее христианство (Л.А. Пальцева, А.Н. Горожанова, Е.А. Захарова, О.В. Кулишова, С.И. Мезеричкая, Н.С. Широкова, А.Д. Пантелеев), источниковедение и историография (Д.А. Щеглов, А.К. Нефёдкин, Э.В. Рунг).

Открывается выпуск статьей Э.Д. Фролова «В канун двойного юбилея» по поводу отмечавшегося в 2004 г. юбилея исторического факультета СПбГУ, воссозданного в структуре университета в 1934 г., и столетия со дня рождения выдающегося историка античности профессора Ксении Михайловны Колобовой, принадлежавшей наряду с С.И. Ковалевым и С.Я. Лурье к плеяде новых строителей кафедры (с. 9). Эти двум памятным датам и посвящен третий выпуск альманаха «Мнемон».

Переходя к обзору содержания отдельных, показавшихся нам наиболее интересными, публикаций, начнем, разумеется, с греческой тематики. Л.Г. Печатнова в статье «Античная традиция об эфоре Хилоне» обращается к проблеме формирования политической структуры спартанского полиса, в частности к возникновению эфората в его привычном значении реального правительства Спарты. Поскольку в V в. до н.э., рассуждает Л.Г. Печатнова, эфорат, возникший в середине VIII в. до н.э., вступил уже вполне сложившимся институтом, его преобразование из магистратуры «второго плана», ответственной перед царями и герусией, в знакомый нам эфорат классического времени могло произойти только в период архаики (с. 32). В дальнейшем рассматриваются свидетельства Геродота, Платона, Диогена Лаэртского об эфоре Хилоне (556 г. до н.э.) и делается попытка связать с его именем преобразование эфората (или скорее создание принципиально новой структуры); впрочем, по мнению автора, Хилон ответственен не только за отмеченную выше реформу эфората, но и в целом за «новое направление» во внешней политике и внутренней жизни Спарты в первой половине – середине VI в. до н.э., включая сюда так называемую антитираническую поли-

тику, создание Пелопоннесского союза и реорганизацию жизни спартиатов на принципах эгалитаризма (с. 33 сл., 48).

Аргументы Л.Г. Печатновой, крупного специалиста по истории Спарты, нельзя не признать весьма убедительными, но если нарисованная ею картина верна, масштаб деяний Хилона впечатляет настолько, что в душу читателя поневоле закрадывается сомнение: могло ли все это быть делом рук одного единственного человека? Впрочем, как признает сам автор, история архаической Спарты практически безымянна (с. 31), так что Хилон, скорее всего, лишь главный, но далеко не единственный творец тех изменений в жизни этого полиса, о которых говорилось выше.

Е.В. Никитюк в статье «"Закон о празднике" в афинском законодательстве IV в. до н.э. (религиозный аспект)» предлагает исследование в области древнегреческого права. Автор начинает с констатации неполноты наших сведений об афинском религиозном законодательстве (с. 83) и переходит непосредственно к содержанию одного из сохранившихся памятников – афинского «закона о празднике», известного нам из речей Демосфена (с. 83 сл.). Этот закон был направлен против тех, кто нарушал традиционное исполнение религиозных ритуалов, т.е. совершал асебию, причем одни нарушения разбирались и карались немедленно, так сказать, в административном порядке, тогда как другие служили основанием для возбуждавшихся позднее судебных дел (с. 85). Примером такого дела может служить процесс, начатый Демосфеном против своего политического и личного врага Мидия (с. 85 сл.). Анализ этого процесса позволяет автору определить существо предьявленного Мидию обвинения и характеризовать сам процесс скорее как гражданский, нежели религиозный (с. 92).

Статья Г.А. Кошеленко «Третья версия происхождения Аршакидов?» посвящена важной и дискуссионной теме возникновения Парфянского государства. Автор тщательно анализирует известные варианты генеалогии Аршакидов (версии Юстина–Страбона и Арриана), вскрывая как реальные события, стоящие за каждым из них, так и их идеологическое наполнение. Помимо двух вышеназванных версий автор обнаруживает у Юстина (Помпея Трога) следы еще одной, третьей версии происхождения Аршакидов (Юстин-2), согласно которой предком парфянских царей является некий Андрагор, перс по происхождению, назначенный правителем Парфии якобы самим Александром Великим (с. 221). Данная версия, имеющая мало общего с исторической реальностью, позволяет по-новому взглянуть на идеологию Аршакидов; эта последняя представляется автору более сложной, чем обычно считается: подобно правителям других полуварварских государств эллинистического Востока Аршакиды в целях легитимизации своей власти претендовали на родство (или по крайней мере преемственность) с Ахеменидами (Арриан), Александром Великим (Юстин-2), не забывая и о своем кочевническом прошлом и праве завоевания (Юстин-Страбон) (с. 224 сл.). В заключение автор отмечает, что конструкторами такой сложной идеологической схемы могли быть только греки, состоявшие на службе у парфянских владык (с. 228).

А.Д. Пантелеев в статье «Христиане и римская армия от ап. Павла до Тертуллиана» исследует в высшей степени важный и интересный вопрос об отношении ранних христиан к армии. Указав на существование в научной литературе мнения о пацифизме ранней церкви (с. 413 сл.), автор рассматривает свидетельства ряда христианских авторов (ап. Павла, Игнатия Антиохийского, Климента Римского, Климента Александрийского и др.) по этому вопросу, уделяя особое внимание сочинениям Тертуллиана (с. 415 сл.). Анализ данных источников позволяет А.Д. Пантелееву сделать вполне обоснованный вывод о лояльном отношении к армии и военной службе авторов, оставшихся в рамках церкви, не исключая и Тертуллиана до его перехода к монтеистам (с. 428).

Из публикаций историкокультурного и историографического характера хотелось бы выделить статью А.К. Нефёдкина «Изучение феномена фаланги в историографии новейшего времени». Автор рассматривает специальные исследования по истории фаланги в хронологическом порядке от французских и немецких трудов конца XIX – начала XX в. до английских и американских работ последних лет (с. 453 сл.). История изучения фаланги в отечественном антиковедении рассматривается отдельно (с. 460 сл.), что, на наш взгляд, не вполне правильно, так как не позволяет в полной мере раскрыть связь и взаимодействие русской и зарубежной науки. В заключение автор отмечает, что в разное время в поле зрения ученых попадали различные аспекты проблемы; так, во французских и немецких исследованиях рубежа XIX–XX веков основное внимание уделено связи военно-исторической проблематики с общественным строем, тогда как в новейших англо-американских работах преобладает интерес к тактическим и военно-техническим аспектам. Автор отмечает наметившийся в исследованиях последних лет отход от трактовки возникновения фаланги как одномоментной революции и преобладание теорий эволюционного развития данного построения (с. 464).

В разделах втором и третьем, соответственно «Критика и библиография» и «Хроника научной жизни», также был представлен ряд интересных публикаций. Так, в разделе втором с рецензиями выступили Л.П. Маринович (на кн.: *Le Rider G. Alexandre le Grand. Monnaie, finances et politique*. P., 2003), М.М. Холод (на кн.: *Казаров С.С. Царь Пирр и Эпирское государство в эллинистическом мире*. Ростов-на-Дону, 2004) и Л.А. Меньшиков (на кн.: *Широкова Н.С. Мифы кельтских народов*. М., 2004); в разделе третьем отметим статью Э.Д. Фролова, посвященную памяти выдающегося археолога и историка Ярослава Витальевича Доманского, и отчет о студенческой научной конференции «Цезарь и цезаризм», прошедшей на историческом факультете СПбГУ в марте 2004 г., написанный студентом-античником Александром Кругловым.

В заключение хотелось бы сообщить о том, что начиная с третьего выпуска альманах «Мнемон» приобрел статус вполне официального, признанного на международном уровне периодического издания, что выразилось в предоставлении ему соответствующего ISSN. Остается только пожелать, чтобы это, безусловно, позитивное событие послужило поводом к расширению круга авторов, сотрудничающих с альманахом, и, что особенно важно, читательской аудитории, чему, как мы надеемся, хотя бы в малой степени поспособствует также и наш скромный обзор.

К.В. Вержбицкий

© 2005 г.

VENIT M.S. Monumental Tombs of Ancient Alexandria. The Theater of the Dead. Cambridge: CUP, 2002. XV, 267 p.

Книга профессора Мэрилендского университета (США) Марджори Сьюзен Венит посвящена монументальным гробницам греко-римской Александрии, – пожалуй, самой интересной и представительной группе памятников древнего города. В последнее время интерес к истории и археологии Александрии заметно возрос благодаря открытиям, сделанным французскими и египетскими археологами на территории города и его окрестностей. Прежде всего необходимо отметить подводные исследования в районе форта Каит-Бей (остров Фарос в древности), Восточной гавани, мыса Абукир (древний Какол), раскопки некрополя Габбари и спасательные работы на местах городского строительства (например Александрийской библиотеки), проводимые с начала 1990-х годов Центром александрийских исследований под руководством Ж.-И. Амперера и Европейским институтом подводной археологии, возглавляемым Ф. Годдио. В ходе этих исследований были получены результаты, которые дают много новой информации по истории и археологии античной Александрии: обнаружены фрагменты знаменитого маяка, зафиксированы следы «царского квартала», найдены великолепные статуи и мозаики, открыты затопленные города Гераклион и Мснуфис и т.д.¹

Несмотря на впечатляющие открытия последних лет, по-прежнему мало известно о том, какими были в реальности знаменитые александрийские постройки и памятники, описания которых, зачастую фантастические, можно найти у античных и более поздних авторов, и топография древнего города в целом². Ранние слои Александрии целиком покоятся под современным городом, отстроенным на руинах в первой половине XIX в. по приказу египетского паши Мухаммеда Али³. Это обстоятельство сделало невозможным проведение здесь масштабных систематических раскопок, локальные же исследования начались довольно поздно, в конце XIX в.,

¹ См. *Empereur J.-Y. Alexandrie redécouverte*. P., 1998; *Goddio F. et al. Alexandrie. Les Quartiers gouaux submergés*. L., 1998; *La Gloire d'Alexandrie*. P., 1998. Самую последнюю информацию об археологических работах и открытиях в Александрии см. в издаваемых IFAO с 1998 г. «*Études alexandrines*» (на 2002 г. вышло шесть томов отчетов).

² Вышедшие в 1960-е – начале 1970-х годов капитальные труды А. Адриани (*Adriani A. Repertorio d'arte dell'Egitto greco-romano. Series C. Vol. I–II. Palermo, 1966*) и П. Фрэзера (*Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I–III. Oxf., 1972*) по-прежнему остаются основными справочниками по истории, памятникам и топографии греко-римской Александрии.

³ Этот считающийся просвещенным правитель мало интересовался прошлым Египта. Он даже предложил инженеру Л. де Бельфонду разрушить пирамиды, чтобы построить плотину через Нил (см. *Empereur J.-Y. Alexandria: Past, Present and Future. New Horizons*. L., 2002. P. 96–97).